Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Михаил Фёдоров

Два всадника на одном коне

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Михаил Фёдоров

Два всадника на одном коне

Издательство «Детская литература»
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Фёдоров М. Ю.

Два всадника на одном коне / М. Ю. Фёдоров — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005704-5

Действие повести происходит в конце XIV века, в один из самых драматических периодов становления Русского государства – собирания сил русских князей для борьбы с Золотой Ордой и объединения их княжеств вокруг Москвы.Золотоордынцы, крымчаки, литовцы, фрязи… На фоне этого исторического многолюдства, явных врагов и временных, ненадёжных союзников Руси разворачивается судьба главного героя – десятилетнего сироты Василия. Он чудом попадает ко двору рязанского князя и накануне Куликовской битвы получает от него важное задание, выполнение которого может существенно повлиять на исход предстоящего сражения. Удастся ли Василию справиться с княжеским поручением?Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005704-5

© Фёдоров М. Ю., 2017
© Издательство «Детская литература», 2017

Содержание

О Конкурсе 6
Два всадника на одном коне 8
Часть первая 9
Глава первая 9
Глава вторая 12
Глава третья 16
Глава четвёртая 18
Глава пятая 22
Глава шестая 25
Глава седьмая 28
Часть вторая 31
Глава первая 31
Глава вторая 37
Глава третья 40
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Михаил Фёдоров
Два всадника на одном коне

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году были объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Два всадника на одном коне
Историческая повесть

Часть первая
Неспокойное время

Глава первая
Я – Василий, сын кузнеца

Здравствуйте! Меня зовут Вася. Ну или Василий, если полностью. Правда, это имя мне дали в церкви, а дома называют по-другому – Вьюн. Отец рассказывал, что когда я был ещё совсем маленьким, то ни минуты на месте не сидел. Чуть только недосмотрят, сразу ползу куда-то, чаще всего – за порог. Бабка Секле́тия, ворожея, что заходила к нам по-соседски, так и говорила: «У-у, шустрый какой, чисто вьюн речной! Из избы всё норовит – чаю, по отцовской тропке ему не хаживать». С тех пор и повелось – Вьюн да Вьюн. А уж когда пошёл, тогда совсем матери покоя не стало! Ей ведь надо и за мной присматривать, и в избе прибираться, и кашу со щами варить.

Хорошо ещё, отец у меня не крестьянин, а кузнец. Не надо ему в поле пропадать от темна до темна. Всё время при кузне, что возле дома пристроена. Куёт на заказ лемеха, стремена да ободья колёсные. Ну и оружие, конечно. В наше время без оружия никак. Время сейчас тревожное. Да что там – сейчас! Оно у нас всегда неспокойное. Только и слышно: то там князья что-то не поделили, друг дружке земли разоряют, то здесь ордынцы в набег пошли. А страдают больше всех мужики простые. Да ещё землица наша Рязанская на самом краю Руси. Ордынцы ведь к нам в первый черёд наведываются.

Отец мой, Иван, по прозвищу Векша, – кузнец отменный, он не только всю нашу округу коваными изделиями обеспечивал, но к нему даже издалека приходили – из Коломны, Каширы и Рязани. Были даже из Тулы и Москвы, хотя там и своих хороших кузнецов хватает. А Векша – это прозвище ему от отца досталось, деда моего. Дед был хорошим охотником, вот и прозвали его Векша – «белка» значит. Он их знатно бил из лука. Если какую увидел, не уйти ей, пойдёт на шапку.

Так вот, отцовские мечи всегда были лучше других. Ведь для того, чтобы хорошее изделие выковать, много хитростей знать надо. Отец сначала железо год в торфяном болоте выдерживал, потом пучок железных прутьев раскаливал в кузнечной печи добела – и ну охаживать

тяжеленным молотом! Я такой молот даже поднять не мог. После остудит и ещё раз, и ещё! А под конец закаливал в кадке с постным маслом. Получались очень крепкие мечи серо-синего цвета, с красивым рисунком, если отполировать. Но и стоили они недёшево, ведь один хороший меч надо было ковать несколько дней. И железо дорогое. Его ведь тоже не так просто добыть.

Было какое-то место на болоте, где отец руду железную копал. Никто не знал, когда и куда он два-три раза в год отправлялся на недельку за рудой. Боялись за ним ходить, говорили – на болоте одни упыри да болотники живут. Кузнеца они опасаются, ведь его ремесло – от Бога, а простому человеку могут какую-нибудь пакость сделать. Некоторые отчаянные головы пытались сами в болоте копаться, но так никакой руды и не нашли. Или нашли, но такую, из которой хорошего железа не сделаешь. А отец только посмеивался: мол, не по Сеньке шапка. А мне, мальцу, говорил:

– Руда – это только полдела, тут ещё и правильный уголь нужен. Вот, например, уголь из ольхи или осины не подойдёт. Жар он не тот даёт да и железо грязнит. А вот берёза или дуб – то что надо. Только из дуба я уголь не жгу. Дуб для построек нужен: не гниёт и от времени только крепче становится. А берёзовый уголь – в самый раз. И жар даёт сильный да ровный, и в железе пепла не оставляет. Да и берёз в наших краях много, а силу они набирают куда быстрее дубов.

А я так думаю, что кроме правильных руды и угля нужны ещё и правильные руки и голова. Вот тогда из кузни и выйдут правильный меч или серп.

Пока я маленький был, отец меня не сильно работой загружал. Нет, я, конечно, помогал чем мог. Ну там поднести что-нибудь, на что сил хватит, – квасу ковш подать или ещё что. Да и приглядывался, осваивался потихоньку. Молотом мне было махать несподручно – тяжёл больно, а вот сколько и как в плавильную печь загрузить руды да угля, чтобы хорошее железо вышло, или как правильно розжиг для ковки делать, дабы расход топлива был поменьше, – это я уже знал. Даже помогал отцу мерным совком отсыпать и уголь берёзовый, и руду болотную.

Но всё это занимало немного времени. А летом в деревне приволье! По грибы да ягоды мы с друзьями, конечно, не ходили – это девчачье дело. А вот за рыбой на речку бегали часто. И ладно бы, если б только сами ловили, так нет! Пару раз выпотрошили рыбачьи сети. В первый раз сошло с рук, а во второй…

Антоха-рыбак, кажется, после того, как у него улов пропал, заподозрил что-то и стал высматривать, кто это повадился к нему сети опорожнять. Ну и высмотрел. Выбегает – страшный, зубы оскалены, глаза горят, а у самого нож в руке, которым он рыбу кромсает. Хороший нож, острый, немного изогнутый, и режущая кромка внутри изгиба – таким удобно чешую чистить. Его отец ковал по заказу Антохи. Мы понимали, разумеется, что нож у него – только для острастки, но всё равно жутковато было.

Нет, мы от него, конечно, убежали, он ведь хроменький, быстро бегать не может. Но когда я вечером вернулся домой, отец встретил меня на пороге, поигрывая розгой…

В общем, на следующий день я на улицу не выходил – отлёживался в избе. А отец, подавая мне квасу, всё повторял:

– Нельзя, сынок, обижать тех, кто пропитание себе по́том да мозолями зарабатывает, нельзя, последнее это дело!

Этот урок я усвоил крепко. Даже не так больно от розги было, как перед отцом стыдно.

Еще хотели мы как-то забраться в подворье к бабке Секлетии за яблоками – она ведь не по́том и мозолями себе на жизнь зарабатывает, а заговорами. А про это я отцу ничего не обещал! Но побоялись: Секлетия ведь ворожея, почти колдунья. Об этом никто вслух не говорил, особенно от нас, несмышлёнышей, скрывали. Но шептались. Да, шептались. Священник наш, отец Алексий, на Секлетию искоса посматривал – видно, знал про её деяния. Или догадывался. Он ведь наш, местный. Сказывают, Секлетия как-то давно мать Алексия от какой-то жуткой

хвори вылечила. В общем, не полезли мы к ней. Вдруг прознает, кто яблоню ободрал? Ещё болячку какую нашлёт или превратит в жабу!

Говорили, что она по ночам улетает в окно по своим ведьмачьим делам верхом на голике[1], но я сам не видел, а в сплетни эти не очень-то верил. Скажите, ну как можно летать на голике? Видел я этот голик – крыльев у него нет, и вряд ли вырастут. Спору нет – сам голик, конечно, полетит, если его, хорошенько размахнувшись, швырнуть куда-нибудь. Может, голик сам, без Секлетии, летал? Мало ли, ветром подхватило и понесло? Ну уж не знаю. В конце концов я перестал об этом думать. Тут думай не думай, ничего не изменится. Да и враки это, скорее всего.

Однако слава за Секлетией тянулась такая, что лучше её не злить. Поэтому мы, от греха подальше, решили к ней в подворье не лазать, а занялись рыбалкой, стрельбой из лука да помогали родителям по хозяйству.

[1] Голи́к – веник из голых прутьев, без листьев.

Глава вторая
Горе

Вот так мы и жили. И всё было хорошо, пока с матерью беда не случилась. Пошла она как-то зимой на речку бельё полоскать. А полынья там большая: всё село ходит, края накатанные, с ледяной коркой. Обычно там пешнёй[2] засечки делают, чтобы не скользить, или деревянные мостки кладут. А тут мостков не оказалось: уволок кто-то. То ли из шалости, то ли просто по глупости. Поскользнулась мать и ухнула в прорубь с головой. Течение там несильное было, под лёд сразу не уволокло, но и вылезти из проруби самой не удалось. Кричала она, кричала, да разве кто услышит! Хорошо, мужики из леса с дровами ехали! подбежали, вытащили, в сухой тулуп закутали. Так и привезли домой. Отец, как узнал, кузню бросил, меня за бабкой Секлетией послал, сам рядом хлопочет. А мать лежит, жар уже у неё, глаза затуманились, губы обметало.

Лечили её до весны. Бабка Секлетия отвары из заветных трав варила, в бане её парила, давала мёд с чабрецом, багульником и мать-и-мачехой. Ничего не помогало. Матери становилось хуже и хуже. И как-то утром, когда уже солнышко стало жарче припекать, а с крыш закапало, бабка Секлетия перекрестилась, закрыла ей глаза и сказала:

– Всё, догорела!

Я тогда заплакал, хоть и был уже взрослым – десять годков, как-никак.

Когда я жил уже при княжьем дворе в Рязани (об этом расскажу немного позже), то наблюдал, как в церкви догорают свечи. Они становятся совсем маленькими, и пламя тоже делается маленьким и коротким, всё меньше и меньше, а потом гаснет, только облачко белого пара улетает вверх. Так и мамина душа улетела в небо белым облачком.

Дьяк Варсонофий, которому я помогал служить в рязанской церкви, показал мне, как можно зажечь погасшую свечу. Нужно держать наготове горящую лучину и просто поднести её к белому облачку. Оно вспыхнет, огонь перекинется на фитиль, и свеча снова загорится. Только надо, чтобы это был не малюсенький огарочек, а большая свеча. Потому что огарок всё равно потом быстро погаснет.

Я думаю иногда: свечи почти как люди, так же горят и гаснут. Одни горят ровно, ярко, другие чадят. Задуть свечу, когда она догорела только до половины, – это как убить человека в расцвете лет. Если найдётся кто-то, кто подожжёт улетающее белое облачко, то свеча будет гореть ещё долго. Если найдётся кто-то, кто воскресит убитого, последний тоже будет жить долго. Только нет таких людей, кто мог бы воскрешать. Варсонофий говорит, что Иисус воскрешал, когда жил среди людей, но это ведь давно было и не у нас. Да и не человек он, а Бог.

Похоронили маму в середине марта. Помню, как соседские мужики жгли на мёрзлой земле костры, чтобы выкопать могилу. Когда гроб опускали, у отца слёзы в глазах стояли. А уж про себя я и не говорю.

С этого дня как-то пусто стало в избе. Отец ходил грустный, старался подольше в кузне пропадать – уходил рано утром, в избу возвращался только поздно вечером. Стал поговаривать, что надо бы перебираться в другое место – не может он здесь находиться. Но уйти мы никуда не успели.

Летом в наше село пришла большая беда. Сначала, правда, никто и не посчитал это бедой. Появились какие-то иноземцы. Было это посольство к ордынскому хану от фрязей[3], что

---

[2] Пешня́ – инструмент для пробивания проруби во льду. Представляет собой железный наконечник с прямой или (чаще) полукруглой рубящей кромкой, насаженный на длинную деревянную рукоятку.

[3] Фря́зи – так на Руси называли итальянцев, а частенько и всех европейцев.

в Крыму[4] живут. Рядом с селом проходит наезженный тракт с полудня[5] на Орду, по нему многие и ездят, и ходят. Вот и тогда десятка два всадников остановилось в нашем селе переночевать. Разместились в избах зажиточных хозяев, а один, толмач, толстый такой, все рыскал по селу, фыркал презрительно: то ему не так, это не этак. Увидит лужу и начинает зудеть:

– Фу, у нас в Генуе городские власти такого не допускать. Хозяин, возле который дом такое есть, – штраф платить.

Мужики наши молча слушали его да дивились. А толмач дошёл до церкви и совсем уж скривился:

– Фу, еретики, язычники!

На беду его, оказался рядом отец Алексий. Глянул он на иноземца сердито, потом перекрестился, прошептал: «Прости, Господи!» – и так хватил его ручищей по затылку, что полетел фрязин в пыль кубарем. Даром что толстый да тяжёлый! Поднялся – и задал стрекача. Отец Алексий здоровенный, словно битюг, ладони как сковородки. Кулак сожмёт – аж смотреть страшно! Такого лучше не сердить. Толмач тоже это понял и решил бежать за подмогой. А я следом за ним увязался, чтобы предупредить отца Алексия об опасности, если фрязи решат вступиться за своего.

Но всё обошлось. Я видел издали, как он подбежал к своим – и ну что-то лопотать! Но их старший не долго слушал. Грозно так брови сдвинул, цыкнул что-то сердито, и толмач тут же замолчал. Видно, здóрово он их допёк своей суетливостью. Правда, толмач всё равно спокойно сидеть не смог и, завидев вдали мельницу, побрёл смотреть. И что его там заинтересовало? Неужто в его Генуе ветряных мельниц нет? Хотя, может, и правда нет. Их и у нас-то мало пока. Отец говорит, что на Рязанщине точно больше нет. Может, в Москве или Туле есть? В Нижнем Новгороде или Новгороде Великом – вряд ли. Там рек и речушек много, скорее водяную мельницу поставят. А ветряк – это как раз для наших мест, где лес в степь переходит.

Вечером неспокойный фрязин забрёл в отцову кузню. Не знаю уж, чем отец так расположил его к себе, но, когда я подошёл, он с восхищением разглядывал только что выкованный меч. Пробовал его на ноготь, бил наотмашь и тычком, даже нюхал и лизал. Сразу видно: человек в этом деле толк знает. Только и слышно было от него:

– Бене, экселент, превосходно!

А потом как узнал, что отец ставил тот мельничный ветряк, совсем разволновался. Начал что-то быстро говорить, то по-нашему, то по-своему. И по плечу отца похлопывал. О чём речь шла, я уже не слышал, потому что отец отослал меня из кузни. Но я в окошко подглядывал: отец сначала улыбался, потом перестал, засмурнел и стал головой мотать. Иноземец заговорил громче, стал даже повизгивать и подпрыгивать на месте. Смешно: как будто колобок на ножках скачет.

Отец слушал-слушал, потом взял его за шиворот и молча выставил за ворота. Повезло фрязину: если б отец поступил с ним как и Алексий, то не дошёл бы тот до ночлежной избы сам – пришлось бы товарищей звать, чтобы отнесли. Отец-то ещё посильнее батюшки будет, хоть и ростом поменьше. Да и то: помахай молотом с его – силёнок здорово прибавится.

Левая рука, правда, у него в локте плохо гнулась и трёх пальцев не было, только на мастерстве да на силе это никак не сказывалось. Откуда у отца такое увечье, я до поры до времени не знал. Да уж ладно – потом об этом расскажу.

---

[4] В Крыму в это время сталкивались интересы Золотой Орды, Византийской империи и некоторых итальянских городских республик. Генуэзцы ещё в XII в. получили от Византии право прохода через пролив Босфор в Чёрное море. В XIII в. они основали колонии в Крыму, на Таманском полуострове и в устье Дона. За право торговли генуэзцы платили пошлину ордынцам. Наряду с генуэзскими колониями в Крыму существовали территории, принадлежавшие греческим православным князьям. И те и другие были разгромлены турками в 1475 г., через 22 года после захвата Константинополя.

[5] С полу́дня – с юга. В те времена на Руси стороны света назывались иначе: юг – полдень, север – полночь, запад – закат, восток – восход.

Спросил я тогда отца, о чём они с фрязином говорили. Он скрывать не стал:

– Понравилось ему, какие я мечи умею ковать. Хотел, чтобы ушел я с ними в Крым, а оттуда в Геную, что во фряжской земле. Говорит, что таким мастерам там большой почёт и уважение. А когда я отказался, угрожать начал. Вот я его и выставил со двора.

– Ты ведь говорил, что и сам решил отсюда уходить.

– Отсюда, да не с русской земли. Переберёмся в Рязань, Тулу или Москву. Главное, чтобы свои рядом были. Не пропадём, сынок.

– А он мстить не будет?

– Нет, сын. Пустой он человек, зряшный. Пойдём-ка лучше в избу: солнце уже садится.

Отец уложил меня на печь, сам устроился на широкой лавке, постелив тулуп. Я слышал, как он ворочается и вздыхает. Потом спросил:

– Сын, ты спишь?

– Нет.

– Ты этого фрязина запомни. Человек он, конечно, сам по себе никчёмный. Только чует моё сердце: пришёл он в нашу землю не просто так.

Отец немного помолчал. Я тоже молчал, не решаясь вставить слово.

– Сын, ты не заснул?

– Нет.

– Очень уж мне не понравился его перстенёк.

– Чем не понравился, батя?

– Да всем! Странный он у него какой-то. Такие важные толмачи при посольстве не могут носить перстни из простого железа.

– Из железа?

– Да, сын. Из простого железа. Уж я-то могу распознать это с полувзгляда.

– Может, там самоцвет какой?

– Нет там самоцвета. Просто железный перстень. А вместо камня печатка – два всадника на одном коне. Сдаётся мне, для опознания это.

– Для какого опознания?

– А чтобы соплеменники узнали его всюду, где бы он ни появился. И чтобы он по такому же знаку других узнал. А коли уж есть необходимость в таком перстне, значит, везде они могут быть, но о себе громко говорить не хотят – хоронятся. Так что ты запомни печатку – два всадника на одном коне, авось пригодится. И не просто два всадника, а два воина – в шлемах, кольчугах и с копьём. Ну ладно, спи.

Он перевернулся на другой бок и через минуту захрапел. А я ещё долго лежал и не мог заснуть. Что же это за странная печатка такая? Может, это два странника на одном коне? Тогда копьё зачем? Или в странствиях без копья – никак? И то верно: время сейчас суровое, без оружия не попутешествуешь. Размышляя таким образом, я уснул.

А ещё через три недели в село пришли ордынцы…

Глава третья
Набег

Ордынцы пришли после полудня, когда отец, утомлённый утренней ковкой, прилёг отдохнуть. Налетели на село вихрем на своих быстрых невысоких лошадках. Было их, как мне потом рассказали, много – сотня или две. Где-то далеко, на другом конце села, послышался визг. Знающие люди говорят, что они всегда визжат, чтобы на врага страху нагнать. Я как услышал, выскочил на улицу: мимо проскакали двое ордынцев с луками в руках. Кривые сабли в ножнах болтались на левом боку. Один, повернувшись, выстрелил куда-то вбок и тут же быстро выдернул из саадака новую стрелу.

Я, спрятавшись за плетень, наблюдал за происходящим. И нет бы, дураку, укрыться в избе: стрельнут ведь, не посмотрят, что маленький. Они, говорят, стреляют во всё, что шевелится.

Откуда-то выскочил Антоха-рыбак и, даром что хромой, ловко подскочил ко второму ордынцу, ударил ножом снизу в живот и повернул лезвие в теле. Тот, кажется, даже почувствовать ничего не успел, кулём осел в седле и полетел вниз. А ножик-то – тот самый, которым Антоха нам за сети грозил, отцовский! Пригодился, выходит, для настоящего дела. Отбежать Антоха не успел. Первый ордынец, почуяв что-то звериным своим чутьём, развернулся и метко пустил стрелу. Антоха покатился на землю да так и остался лежать на обочине дороги, только пыль вокруг намокла от крови.

Что было дальше, я не видел. Отец, выбежав на улицу, схватил меня за шиворот и, как я ни брыкался, затащил в дом, засунул в подпол и придавил крышку чем-то тяжёлым, чтобы не вылез. А сам потоптался в избе – видно, доставал оружие, и потом всё стихло.

Откуда-то издалека до меня доносился шум, только не понять было, кто и что кричит. А может, это и не кричат вовсе, а что-то лязгает или скрипит. Разобрать я не мог. Внезапно наверху затопали – явно чужие! Их было двое или трое. Разбежались по избе, как будто что-то искали. Говорили не по-нашему и, кажется, не по-ордынски. Я чётко различил слово «нессуно»[6]. Голос был знакомым, и узнал я его сразу. Это был голос того самого толмача, что получил по шее от батюшки Алексия, а потом уговаривал отца уехать с ним в Крым.

Они еще немного потоптались наверху, там что-то звякнуло. Наверное, хватали всё что ни попадя. Отец как раз недавно закончил ковать два меча. Потом протопали на выход, и в избе стихло. Шум доносился только с улицы, сливаясь в однообразный тяжёлый гул. Нетрудно было догадаться, что там творилось: ордынцы грабили, убивали, жгли. В подполе запахло гарью. К счастью, здесь оставалось ещё достаточно воздуха, чтобы я не задохнулся. Отец как-то объяснял мне, что горячий дым всегда легче воздуха и ходит поверху, как щепка, которая всегда поверх воды плавает. Это меня и спасло.

Правда, сидеть в подполе мне пришлось долго – остаток дня и всю ночь. Когда гул пожара затих, я стал кричать, звать на помощь. Пытался сам выбраться из подпола, но всё было напрасно. Что же отец положил на крышку? Сильно хотелось пить и есть. Пить даже больше, потому что от сгоревшей избы в подполе стоял сильный жар.

Ближе к утру я уже перестал надеяться, что придёт отец и вытащит меня отсюда. Становилось трудно дышать, как бывает, когда летом долго сидишь в комнате с закрытыми окнами и дверьми. Хотя подпол устроен так, чтобы всё время был приток свежего воздуха – против плесени, но, видно, из-за пожара отдушины завалило. Иногда мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

---

[6] Никого (*ит.*).

В подполе было темно, свет с улицы сюда не проникал. Я даже не знал, что сейчас – ночь или утро. Мне начала мерещиться всякая чертовщина. Сначала показалось, что из тьмы на меня смотрит какая-то клыкастая морда, потом она пропала, и в углу засветилась жёлтым тонкая лучина. Потом и она исчезла, и сверху, кажется, что-то посыпалось. Я подумал, что это идут меня спасать, и крикнул. Но голоса своего не услышал: во рту пересохло, и кричать я не мог, только хрипел. В углу вдруг опять что-то засветилось. Слабое голубое сияние постепенно приобрело знакомые черты. Мама! Она смотрела на меня, грустно улыбаясь, а я настолько ослаб, что не мог не то что подойти к ней, а даже просто шевельнуть рукой или ногой. Потом свечение пропало, и мне вдруг стало казаться, что меня обнимает кто-то большой, сильный и недобрый. Обнимает и сдавливает, не давая вздохнуть. В голове у меня помутилось, и последнее, что я тогда запомнил, это открывающуюся крышку подпола и чей-то звонкий незнакомый голос:

– Глянь-ка, малец тут!

И я провалился в черноту…

Глава четвёртая
Перед князем

Помню, что сильно трясло. Я поднимал голову и глядел по сторонам. Меня везли на телеге по лесной дороге. Рядом скакали на рослых конях дружинники в кольчугах с мелкими кольцами. Я только отметил про себя, что, видно, князь на дружину денег не жалеет. Такая кольчуга хоть и дорога́, но в бою хорошо оберегает воина. Стрела труднее пробивает мелкие кольца, и удар мечом они лучше держат, чем крупные. Так отец говорил.

Потом дружинники ускакали вперёд, с обозом остались только возничие – по одному на две телеги. Видно, конец пути был уже близок и охраны не требовалось. Правда, куда мы направлялись, я пока не знал. В дороге была одна ночёвка, которую я помню плохо, потому что все ещё находился в объятиях кого-то большого и недоброго, который душил и не отпускал меня.

Наутро мне стало легче. Свежий лесной воздух привёл меня в чувство и подействовал как лекарство. Меня накормили овсяным толокном и велели не слезать с телеги, пока не восстановятся силы.

Через несколько вёрст лес закончился, и потянулась степь с берёзовыми колками. День выдался хороший, тёплый. Солнышко светило, птички чирикали, да только на душе у меня было ой как нерадостно! И хотя, после того как меня вытащили из подпола, родное село я не видел, но ясно же, что ничего там не осталось, кроме пепелища. Как не раз и не два уже бывало на Руси. И самое главное, неизвестно, что с отцом!

Путь занял весь день до вечера. Когда солнце начало клониться к закату, вдалеке показались городские стены. Поля вокруг них были тщательно возделаны.

– Это какой город? – спросил я возничего.

Тот глянул на меня озадаченно, хмыкнул и ответил:

– Рязань.

Едва мы проехали городские ворота, к телеге, на которой меня везли, подошёл молодой дружинник:

– Князь требует отрока к себе!

– Что ж, ступай, – сказал мне возничий.

Дружинник вскочил на коня, усадил меня спереди, и мы поскакали к княжьему терему. Вот ведь интересно: два всадника на одном коне, прямо как на той печатке у фрязина! Хотя, впрочем, какой из меня всадник? Я с интересом вертел головой по сторонам: в городе-то впервые! До этого никуда из своего родного села не уезжал. Правда, кое-что повидал, ведь село было большим, и через него проходило много и купцов, и монахов, и просто путешествующих.

Больше всего удивили меня в Рязани терема в два, а то и в три яруса. Срубы все свежие, жёлтые, – видно, что недавно поставлены.

– Эй, – толкнул я локтём в бок дружинника, – Рязань недавно строилась, что ли?

Тот от неожиданности даже ойкнул, а потом щёлкнул меня по макушке:

– Ишь ты, какой шустрый да глазастый! Сиди уж, малец!

Потом, видно, ему самому захотелось поболтать.

– Да два года как ордынцы сожгли. Сейчас вот заново отстраиваемся.

– А-а-а! Ясно.

– Ты ведь с той деревни, которую ордынцы спалили?

Я старался не думать о том, что произошло. Думками горю не поможешь – только душу растревожишь. Надо держаться, а этот дружинник всё разбередил. Слёзы невольно навернулись на глаза, и я не стал ему отвечать.

Дружинник, кажется, понял моё состояние и не стал больше расспрашивать ни о чём.

Через несколько минут мы подъехали к каменному кремлю, в котором находился княжий терем. Ворота охраняли пять воинов в кольчугах и с мечами. Они узнали всадника и молча пропустили. На меня никто и внимания не обратил.

Мы поднялись по каменной лестнице и вошли в просторную палату с окнами, убранными тонкими прозрачными пластинками слюды. Правда, что это слюда, я тогда ещё не знал – это мне потом объяснили. Очень красиво! В княжьих палатах всё было так не похоже на убранство нашей избы! У нас простой сосновый сруб, а здесь каменная кладка. Наши окна затянуты бычьим пузырём и закрываются деревянными ставнями, а здесь мало того что слюда, так ещё и ставни подогнаны как-то особенно… ловко, что ли? Сводчатый потолок, свежеструганые доски пола, длинный стол, покрытый скатертью, расшитой какими-то невиданными узорами да животными.

Наверное, я долго стоял с раскрытым ртом, потому что дружинник легонько стукнул меня по затылку и шепнул:

– Кланяйся князю Олегу.

Только теперь я увидел, что за столом с красивой скатертью, расшитой, как я теперь разглядел, солнышками и петухами, сидит князь в лёгкой синей атласной рубахе, а по левую и правую руку от него – бояре. Одни в опашнях[7], другие, как и князь, – в рубахах. Важные такие сидят – наверное, им так по чину положено. Мне даже смешно стало (хотя, казалось бы, сейчас совсем не до смеху!): до чего же те, что в опашнях, похожи на псов, раскинувшихся на солнцепёке! Ещё б языки высунули! И чего вырядились?! Жарища же!

Когда я поклонился, князь благосклонно покачал головой и сказал:

– Рассказывай, отрок, что знаешь.

А что мне рассказывать-то? Я же ничего толком и не видел. Рассказал, как отец меня посадил в подпол, а сам взял оружие и пошёл биться с ордынцами. Меня выслушали внимательно, а толстый старый боярин, который сидел по правую руку от князя, обратился к нему:

– Дозволь, княже, я спрошу?

Олег молча кивнул. Боярин повернулся ко мне:

– А не случалось ли в вашем селе незадолго до ордынского набега чего-то странного, такого, чего раньше не было?

– Нет, – ответил я, – ничего. Да и село наше у торной дороги стоит, в нем много чего случается. Как тут разобрать, странное оно или не странное?

– Не заезжал ли кто в село, – не унимался боярин, – кого раньше не бывало?

– Наезжали, – говорю, – как раз недели за три до ордынцев было посольство от крымских фрязей в Орду. А так – нет, больше никого.

Бояре, как услышали мои слова, загомонили, загудели:

– Вот, значит, как!

– За нашей спиной фрязи с ордынцами сговариваются. И конечно, против нас!

– Турки, значит, под Царьградом, православной твердыней, вовсю хозяйничают, а латиняне сюда руки тянут. Не бывать этому!

– Мы им ручонки-то повыдергаем!

Олег поднялся и стукнул ладонью по столу:

– Господа бояре!

Сразу стало тихо. Голос у князя вроде негромкий, но какой-то зычный, густой. Говорит так, что пробирает аж до самого нутра.

[7] Опашень – разновидность кафтана с длинными широкими рукавами и пристежным меховым воротником.

– Не знаю, я, бояре, фрязи ли наслали на наши владения ордынцев или нет. У нас с Ордой мир. И неоткуда им было взяться. Может, какой тысячник[8] своевольничает? Хотя нет, это вряд ли. Дмитрий, расскажи всем, что видел.

Молодой боярин, сидевший недалеко от князя, встал из-за стола:

– Скажу, княже! Когда гнались мы за ордынцами, нагнали отставшую полусотню. Сдаваться они не захотели – пришлось всех порубить. Начальный над ними был не прост, совсем не прост. Нашли мы у него вот это.

Он достал из-за пазухи продолговатую дощечку с дыркой ближе к одному краю и показал боярам. Послышались голоса:

– Что это?

– Что за доска?

Тут снова заговорил князь:

– Это пайцза Булака, ордынского хана. Дощечка с надписью басурманским письмом и с вырезанной стрелой. Значит это – лети как стрела, чтобы выполнить приказание хана. И сами ордынцы, и подвластные им племена должны оказывать тому, кто предъявит такую пайцзу, всяческую помощь. Если надо – конями, если надо – пищей, оружием или кровом. А дают такую пайцзу незнатным ордынцам, которые выполняют важное поручение. Только вот почему тот, кто был старшим в набеге, получил пайцзу – не знаю. Обычно в набег её не дают.

Он помолчал немного и спросил:

– Может, что-то ещё было в селе, что ты от нас утаил?

Это уже ко мне. А я ничего и не утаивал. Сами не дали всего рассказать, а теперь – утаил, утаил!.. Всё рассказывать – так и дня не хватит. Разве что про это?

– Ещё толмач у фрязей был с железным перстнем.

– Вот как? – удивился князь. – А не путаешь ли ты, отрок?

– Нет, не путаю, мне отец рассказал. Он с толмачом разговаривал, а потом за ворота его выставил. И когда нашу избу грабили, слышал я, как наверху говорили не по-нашему. И голос, кажется, был того толмача-фрязина. Вот. А ещё отец удивлялся: отчего такой важный гость носит простой железный перстень с печаткой?

– С печаткой? – встрепенулся толстый боярин. – А что за печатка на том перстне? Видел?

– Не видел, но знаю. Отец видел.

– Что?

Этот вопрос, кажется, произнесли вместе и князь, и толстый боярин, и тот, кто гнался за ордынцами, да и все, кто был в палате. Может, и не произнесли, но так сильно захотели узнать ответ, что показалось, будто вслух спросили. Точно.

– Два всадника на одном коне.

Толстый боярин хлопнул рукой по столу:

– Они!

Князь нахмурил брови.

– А точно ли так тебе отец говорил?

– Точно. Два воина, а копьё почему-то одно.

– Да, нет никакого сомнения, князь, – сказал боярин, – это их знак. Вот, значит, куда они докатились. Мало они в закатных странах воду мутили!

Князь рукой указал ему на место. Боярин сел.

– С этим всё ясно, кроме одного: зачем им надо было разорять село?

От меня никто ответа не ждал, но я влез:

– Толстый фрязин хотел, чтобы отец с ним уехал и для них оружие делал.

Впервые за время разговора на меня, кажется, взглянули с интересом:

[8] Тысячник – здесь: военачальник, под командованием которого находится тысяча воинов.

– Так твой отец оружейник?

– Да. Кузнец.

– Вот оно как!

Князь вышел из-за стола и подошёл ко мне:

– Да, похож! Если на две головы выше, да вдвое шире, да бороду отрастить – точно кузнец Иван Векша будешь.

Вот же как бывает в жизни! Кто бы мог подумать? Оказывается, князь Олег Рязанский знал моего отца! Хотя чему я удивляюсь? Таких мастеров, как отец, по всей русской земле наперечёт. Да и среди них, если разобраться, отец всё равно самый лучший! А в Рязанском княжестве точно никого лучше его нету!

Но тут я удивился ещё больше.

– Смышлёный малец, – сказал толстый боярин! – От горшка полвершка, а говорит разумно. Княже, пусть у меня живёт. Я его грамоте и военному делу обучу.

Олег Рязанский поправил упавшую на высокий лоб прядь русых волос, достал из ножен меч и поднял его над головой:

– Его мне Иван Векша выковал. Давно, ещё мальца этого и на свете не было. Вскоре после того, как он, увечный, из дружины ушел и кузнечным ремеслом занялся. И много раз меч этот мне в сече жизнь спасал. В долгу я перед Иваном. И воином, и оружейником он был хорошим. Теперь за сыном его присмотрю, пусть у меня живёт. Я его не хуже твоего обучу. И грамоте, и военному делу, и всему, чему мои сыновья учатся.

– Так все бояре рязанские с его мечами…

– У меня будет жить, – прервал его князь.

И всё. Как отрезал. Больше никто ничего не спрашивал. Сразу видно – князь! Такому даже голос повышать не надо. Просто сказал – и все выполняют.

Думал я потом: почему отец мне ничего про службу в княжеской дружине не рассказывал? Может, считал, что мал ещё? Или не хотел, чтобы я тоже дружинником стал? Да и то – они ведь редко до старости доживают. Только почему Олег сказал про отца «был»? Ничего же ещё не ясно!

Так я и остался жить у князя Олега Рязанского.

Глава пятая
Я учусь

Поместили меня в княжьем тереме. Не вместе с княжатами, конечно, зато в отдельной келье, хоть и очень маленькой. Младший Олегов сын, Родослав, был совсем чутóк старше меня, годика на три наверное. Или на два. Бегали мы с ним вместе в церковь на службу, потом к Варсонофию, дьяку лет пятидесяти с небольшим, крепкому такому, кряжистому дядьке с большой окладистой бородой. Обучал он нас грамоте и разным книжным премудростям. Вернее, грамоте он обучал только меня, потому что княжич читать-писать уже умел. И совсем немудрёное это оказалось дело. Я всего за месяц научился. И кириллицу читал, и глаголицу. Хотя не знаю, зачем мне нужны были две грамоты. По-моему, одной вполне достаточно. Варсонофий говорил, что первоначально была глаголица, а потом стала кириллица. Буквы у неё проще в начертании, поэтому удобнее. Правда, я так и не понял, зачем учить две азбуки. Попробовал поинтересоваться у Варсонофия. Он пару раз ответил мне что-то невразумительное, а на третий дал крепкий подзатыльник и буркнул:

– Цыц! Сказано – учить, значит, учить.

Ещё он говорил, что очень давно, ещё в язычестве, до православия, русичи писали чертами и резами. Но письмо то ныне забыто, и не осталось ни одного человека, кто мог бы его читать. Да и ни одной надписи не сохранилось: греки при крещении Руси всё уничтожили.

Когда я освоил грамоту, Варсонофий пробурчал:

– Вот, сын простого кузнеца, а грамоту пуще княжича постигает.

Оказывается, Родослав полгода учил то, что я за месяц усвоил. Вот чудеса! Теперь уж я с Родославом был наравне, ведь грамоту знал не хуже его, пожалуй, даже лучше: читал бойчее и писал грамотнее.

Князь Олег как-то зашёл посмотреть, как мы обучаемся. А мы как раз земной чертёж осваивали. Я рассказывал Варсонофию, что на нём изображено:

– Вот река Дон. Начало имеет недалеко от Тулы. Течёт на полдень, потом поворачивает на закат. В нижнем течении кочуют ордынские рати, русичам туда хода нет. Устье Дона – в море, по-эллински оно называется Меотийское озеро. Фрязи, что в Крыму живут, называют это море Цабакке. А ордынцы – Азов. Вот Волга. Начинается в болотах между Тверью и Новгородом. По ордынски и по-булгарски – Итиль, по-мордовски Рав. Другие народы не знаю, как называют. Наверное, или по-нашему, или по-ордынски, или по-мордовски, потому что других народов на Волге нет. До Нижнего Новгорода по Волге живут русичи, ниже по течению – мордовский народ, а далее до устья – ордынские владения. Волга – река большая, сильная. Много там рыбы. Даже осётр водится – царь-рыба.

Говорю я, а сам всё на чертеже показываю. Хороший у Варсонофия земной чертёж, большой, подробный. Он как-то сказал, что на Руси второго такого чертежа нет. Да и в закатных землях их пока немного. А составлял Варсонофий его по рассказам путешественников да по старинным эллинским описаниям. Хотя и сам он повидал немало: всю Русь изъездил, и в землях басурманских много где побывал.

И ещё была у него целая куча разных хитрых устройств. Одно со стрелкой, которая всегда указывала, в какой стороне полночь находится, другое определяло высоту небесных светил (его Варсонофий называл «посохом Якова»[9]), третье… Впрочем, Варсонофий пообещал, что

[9] По́сох Якова – старинный астрономический и геодезический инструмент. Определяет угловую высоту солнца или звезд над линией горизонта.

обучит меня, как ими пользоваться, только попозже, потому что непростое это дело. Ну да ладно, я отвлёкся.

Сам смотрю краем глаза: довольный дьяк стоит перед князем, аж млеет. Бороду поглаживает, головой кивает. Нравится, что я так хорошо всё выучил. Князю, кажется, тоже понравилось. Смотрю – Родослав глаза отводит. Видно, боится, что отец его спросит. Но Олег посмотрел, как я бодро отвечаю, погладил по голове и вышел. А Варсонофий мне потом из поварни[10] шанежку с творогом принёс.

[10] Пова́рня – кухня.

Глава шестая
Боярин Дмитрий

Я, когда освоился на новом месте, всё допытывался у княжьих дружинников: что они в нашем селе видели? Может, кто живой остался? Но они уходили от ответа, взгляд отводили, как будто стыдились, что не сумели тогда догнать ордынцев. А чего стыдиться-то? Их вообще догнать трудно. И уйти от них трудно. Ведь они с детства к седлу приучены – на коне скакать начинают раньше, чем ногами ходить.

В конце концов, видя, как я мучаюсь от неизвестности, решили поведать мне горькую правду. Я был уверен, что это рано или поздно произойдёт, ждал, хотя и боялся, что услышу такое, после чего уже никакой надежды не останется.

Как-то раз, когда мы выходили с Родославом от Варсонофия, ко мне подошёл тот молодой боярин, что у ордынца пайцзу отобрал, усадил на каменную скамью у церкви и говорит:

– Слушай меня, малец. Расскажу я тебе всё, что тогда было.

Я опустил голову, чтобы молодой боярин не увидел, если слёзы вдруг закапают, и приготовился слушать.

Он начал:

– Налетели тогда ордынцы внезапно, никто их и не ожидал. Да и налетать им было не с чего: у нас с ними мир. Был. Мы поздно подоспели, почти никого догнать не смогли.

Рассказывает и все в глаза мне пытается заглянуть. Хоть за это спасибо. Не люблю, когда человек в разговоре глаза отводит. Так и кажется, что соврать хочет, да боится, что глаза выдадут. Боярин продолжал:

– Деревню вашу сожгли ордынцы полностью.

– Село, – поправил я его.

– Что? – переспросил он.

– Не деревня у нас, а село. Церковь же есть. Была то есть. Её тоже сожгли?

Сам не знаю, зачем я это сказал. Какая разница, деревня у нас была или село?

– Ну да, село, церковь, да, тоже сожгли. Погнались мы за ордынцами, да, видно, далеко они успели уйти, хоть и были с обозом. Они ведь почти всё село увели в полон. Наши ребята, те, кто пепелище разбирал, говорят, мёртвых нашли всего человек тридцать, понимаешь?

Я молчал: чего уж тут непонятного?

– Возле дома, где тебя из подпола вытащили, бабку старую нашли.

– Секлетия, – говорю.

– Что? – опять не понял он.

– Бабка Секлетия. Знахарка. Она маму отварами лечила.

– А-а-а-а, ясно. Среди мёртвых в основном старики были. Но отца твоего не нашли, понимаешь?

Это я понимал. Ордынцы, как рассказывал мне Родослав, хороших мастеров редко убивают. Обычно берут их в полон и уводят к себе в Сарай – так их столица называется. И там заставляют работать на себя…

Видно, я на какое-то время отключился, потому что почувствовал, как боярин трясёт меня за плечо.

– Эй, ты чего? Обрадовался?

А я и не знал, радоваться мне или нет. С одной стороны, хорошо, что отец живой. С другой – из ордынского полона ещё никто никогда не возвращался. Попал туда – как умер.

– Не печалься, – говорит боярин, – может, ещё и увидитесь. У нас тут большие перемены намечаются.

– Какие перемены?

Он внезапно замолчал, а потом перевёл разговор на другое:

– Ты как – мечом или луком владеешь?

– Нет, – отвечаю, – меня отец кузнечному ремеслу обучал. Из лука только охотиться могу.

– В бою другие навыки нужны, чем на охоте. Ты приходи вечерком, покажу, как на мечах и шестопёрах[11] биться, из лука правильно стрелять.

Предложению боярина я обрадовался. Мне не терпелось научиться по-настоящему драться. А куда приходить, я и сам уже знал. Было в кремле место, приспособленное для обучения ратников и дружинников боевым приёмам.

Этим же вечером после занятий с Варсонофием я попрощался с Родославом и отправился к молодому боярину. Звали его, как оказалось, Дмитрий, а по прозвищу – Чевка.

Боярин Дмитрий уже поджидал меня у толстых дубовых столбов, вкопанных возле кремлёвской стены. Предназначались они для метания топоров и стрельбы из лука. Там между двумя столбами поставили щит из толстых сосновых досок для обучения лучников. Щит был расчерчен какими-то крестами, кругами и помечен буквами. Это для того, чтобы лучники не просто в щит попадали, а в ту часть, куда наставник укажет. Скажет, например: «Верхний круг, твёрдо!» Вот лучник и должен попасть в этот круг, и не просто в круг, а туда, где буква «твёрдо»[12] нарисована.

Дмитрий, поджидая меня, забавлялся метанием ножей. И, скажу я вам, до того наловчился, что втыкал их издали не просто так, а крестом. Сначала восемь ножей воткнул одной чертой один над другим, а потом наперекрёст – ещё восемь ножей в один ряд. Я подошёл как раз, когда он бросал два последних ножа.

Я стоял разинув рот, поражённый его мастерством, и не заметил, как Дмитрий подошёл и с улыбкой хлопнул меня по плечу:

– Что, малец, хочешь так же научиться?

Я в ответ закивал.

– Слушай, – сказал Дмитрий, – а как тебя звать-то? А то всё «малец» да «малец».

– Вьюн, – отвечаю, – а в крещении Василий.

Мне больше нравится, когда меня домашним именем называют. Наверное, это было у меня на лице написано, потому что Дмитрий сказал:

– Что ж, Вьюн так Вьюн. А до Василия ещё дорастёшь.

– Как это – дорасту?

– Имя твоё в крещении не простое. Василевсами древние эллины своих князей называли, а византийские греки и сейчас называют. Так что старайся.

И улыбается. Но не насмешливо, а по-хорошему так. Я понимаю, что он шутит. Сыну кузнеца князем не быть. А вот княжьим дружинником, или даже не простым дружинником, а сотником или тысяцким – почему бы и нет?

– Боярин Дмитрий, – говорю, – научи меня так же ножи метать.

Он смеётся:

– Всему своё время, Вьюн. В бою это умение не очень нужно. Там больше на меч, шестопёр или копьё надежда. Для дальнего боя – лук, а вблизи врага можно поражать сулицей. Знаешь, что это такое?

– Знаю, – говорю, – малое метательное копьё. Эллины их дротиками называли. А в Риме – пилумами.

– Верно, – удивлённо глянул на меня Дмитрий, – откуда про эллинов знаешь?

– Варсонофий научил.

---

[11] Шестопёр – старинное холодное оружие XII–XVII вв. в виде булавы, к головке которой приварено шесть металлических пластин («перьев»).

[12] Буква «твёрдо» – то есть «Т»

– Смотри-ка, – сказал Дмитрий, – он, оказывается, не только пером по пергаменту корябать умеет. Правильно тебя учит.

– Он меня грамоте выучил. А сейчас описание земное осваиваем и историю Эллады и Рима.

– Дельно, дельно! А про древних полководцев он тебе рассказывает?

– Нет.

– А вот это зря. Скажи ему, пусть тебе про Ганнибала, Эпаминонда и Цезаря поведает. А если не сможет или не захочет, скажешь, я сам тебе объясню, что это за люди и чем знамениты.

– Хорошо, боярин.

– И не называй меня боярином. Зови просто – Дмитрий. Понял?

– Понял.

– Ну, коли понял, то хватит болтать. Бери вон деревянный меч. Учение начнём с правильной стойки воина в бою…

Глава седьмая
Я постигаю ратное мастерство

Дмитрий учил меня много и сурово. Почти каждый вечер я проводил с ним, изучая удары мечом: рубящие и колющие, плашмя и рукояткой и даже ножнами! Боярин показывал, как надо передвигаться в поединке и в бою. А это делается, оказывается, по-разному! В поединке ты знаешь, что никто тебя сбоку или со спины не ударит, и следишь только за своим противником. А в сражении вокруг много народу и часто не сразу разберёшь, кто рядом – свой или чужой. Ты, может быть, мечом владеешь хорошо и в поединке сможешь легко увернуться или отбить удар, а в сражении это не всегда получается. Дмитрий говорил, что в бою надо открывать ещё три пары глаз – по паре слева, справа и на затылке.

Когда я немного освоился, деревянный меч был заменён железным, только без заточки, чтобы случайно, по недостатку мастерства, не поранить других или самого себя.

Дмитрий всё время усложнял обучение. То давал мне здоровенный меч, то заставлял надевать тяжёлую кольчугу, которая с непривычки сильно мешала мне передвигаться во время поединков. Кольчуга была длиннющей, для взрослого воина, поэтому болталась на мне свободно и больно хлопала по коленкам. Даже мозоли кровавые натёр.

Если я от особенно болезненного удара мечом кривился или падал от усталости после долгого учебного боя, он подходил, ободряюще улыбался и помогал встать. Но не всегда. Иногда он, наоборот, кричал на меня и говорил, чтобы я не притворялся и вставал сам. Даже бил ножнами по ногам. Чаще всего это помогало. Я поднимался и продолжал бой, хотя на самом деле едва на ногах стоял.

Порой, когда я готов уже был свалиться без сил и едва шевелил руками и ногами, боярин Дмитрий приказывал мне усесться на траву, и начинались разговоры о воинском искусстве и древних полководцах. О том, что хороший полководец ещё до боя составит план сражения, продумает построение войска и учтет всё: и какое оружие у него и у противника, и сколько у обоих конницы, и куда в строю поставить молодых, неопытных воинов, и в какой местности – ровной, овражистой или болотистой – будет битва. И даже как – в лицо или спину – будет светить солнце. Не такое уж это легкое дело – командовать войском. Да и сам ратный труд – это не просто собраться и мечами помахать, кто сильнее – тот и победил, нет!

Оказывается, ещё в древности великие полководцы одерживали верх над противником, который вдвое-втрое многочисленнее. И именно из-за умения правильно вести битву. Узнал я про Марафонское сражение, где древние эллины, имея против каждого своего воина десять персидских, всё же победили. И про фиванского беотарха Эпаминонда, который первым догадался, как справиться с более многочисленным врагом, при том, что каждый воин противника лучше владеет боевыми приёмами, чем твой. Оказывается, для этого достаточно правильно расставить своих дружинников, чтобы они в нужном месте имели численный перевес. После этого вражеский строй ломается, и неприятелю остаётся только бежать или погибать. Дмитрий меня многому научил, всего и не перескажешь.

Постепенно я всё ловчее овладевал приёмами боя на мечах и уже вполне мог уворачиваться от удара, отражать боярский меч и сам нападать на соперника. Когда я начал гордиться своим умением грамотно уходить от нападения и заходить сопернику со спины, нанося неотразимый удар, Дмитрий показал мне одно упражнение. Он принёс из плотницкой целую кучу небольших деревянных плашек и объявил мне, что станет подкидывать их в воздух, а я должен на лету разрубать их пополам.

Обрадованный кажущейся лёгкостью задания, я резво взялся за дело. И опозорился. Из первых пяти подкинутых плашек я не то что не разрубил, даже не попал ни по одной! Правда, потом я приноровился и стал попадать, но вот о том, чтобы разрубить, не могло быть и речи.

Так я махал мечом не меньше получаса, но ничего не добился, только взопрел. Когда я сказал Дмитрию, что это сделать невозможно, он опять улыбнулся, дал мне одну плашку и велел подкинуть её вверх.

Надо ли говорить, что после его удара она развалилась на две почти равные части. Потом Дмитрий велел мне подкинуть две плашки подряд. И обе, не успев приземлиться, развалились надвое! Я разинул рот. Его мастерство было настольно непостижимо, что я даже приуныл: мне такого не достигнуть никогда! Дмитрий велел мне подождать и куда-то отошёл. Вернулся он с пожилым дружинником.

– Вот, дядя Миша, покажи отроку своё умение.

Дядя Миша легко выхватил меч из ножен и встал в боевую стойку. Дмитрий подкинул в воздух одну за другой сразу три плашки. Через несколько мгновений на землю упали шесть обрубков. Вот это да! А Дмитрий, не давая ему передохнуть, подкинул ещё три, потом ещё и ещё. И каждый раз дядя Миша разрубал их надвое, не пропустив ни одну. А ведь он пожилой, хотя нет, не пожилой, а старый человек. Ему явно было не меньше сорока пяти лет! Интересно, я когда-нибудь смогу добиться такого умения? Наверное, моё лицо стало совсем уж кислым, потому что Дмитрий понимающе улыбнулся и сказал, что завтра у меня день отдыха. В общем, спать я в этот вечер ложился не в лучшем расположении духа.

Позже Дмитрий мне подробно объяснил, как надо правильно рубить плашку на лету:

– Смотри, Вьюн! Чтобы разрубить, надо попасть точно поперёк или вдоль скола. Если чуть-чуть наискось, толку не будет. Это не рубка получится, а лапта. В лапту играешь?

– Нет.

– Ну ничего, научу. Так вот, если наискось по плашке попадёшь, просто отобьёшь её в сторону – и всё. А чтобы точно поперёк попасть, тут глазомер нужен. Плашка ведь в воздухе по-всякому кувыркается, а ты примечай. Дело это непростое, но научиться можно. А хороший глазомер и быстрота в бою пригодятся: с их помощью всегда от рубящего и колющего оружия увернёшься. Слышал я, что некоторые даже от стрел уворачиваются, но сам таких людей не встречал, врать не буду.

Я, правда, из Дмитриевых объяснений так до конца и не понял, как можно уследить, когда плашка к тебе нужной стороной на лету повернётся. Но он сказал, что это дело навыка. Надо почаще заниматься, и умение постепенно придёт.

На следующий день, после заутрени, Варсонофий объявил, что он занят и сегодня учения не будет. Родослав так сразу решил бежать на кухню: любил он стянуть там что-нибудь вкусненькое!

Я спросил:

– Тебя, княжич, в отцовском тереме плохо кормят, что ли? Зачем туда лазать? Нельзя обижать человека, который пропитание своё пóтом и мозолями зарабатывает.

Он смутился сначала, а потом говорит:

– Эх, Вьюн! Откуда же у стряпух мозоли? Глянь, толстые какие! Всегда в тепле да в сытости.

– Всё равно. Люди своим трудом промышляют, никого не обманывают, не воруют и не убивают. Нехорошо, княжич.

Родослав так и взвился:

– Кто не ворует?! Стряпухи? Да ты просто не знаешь, Вьюн. Да и житьё их у моего батюшки совсем не тяжёлое.

– Какое бы ни было. Да и что они там унести могут? Пшена в горсти – не больше.

Но Родослав уже убежал не дослушав. Княжичи ведь не так думают, как простолюдины. Им не приходится работать до седьмого пота, их больше для войны и для управления княжеством учат. А вот если дать бы им хоть полгодика пожить, как их подданные живут, – что

заработал, то и съел, – тогда, глядишь, у них головы бы по-другому думали. Особенно первое время, пока навыки не появились.

…Вместо занятий с Варсонофием я пошёл на знакомую площадку для боевого учения. По пути заглянул в плотницкую, подобрал несколько плашек. Плотники уже знали, для чего княжьим дружинникам плашки, поэтому нарубили и напилили их штук сто или больше. Мне столько пока без надобности. Взял пару. Хоть бы с этими справиться. В келью я даже не заходил. Зачем? Меч всегда при мне. Дмитрий сказал, что воин всегда должен меч под рукой держать – мало ли когда может пригодиться. Да и привыкаешь, когда пояс тяжёлым оттягивает. Чувствуешь себя по-другому, уверенней, ответственней, что ли? И взрослей. Я тоже привык меч с собой таскать. Когда приходилось его снимать, чувствовал себя неуютно. Как голый на шумном торжище. Меч стал словно продолжением меня самого.

Без помощника мне приходилось тяжко. Надо ведь и плашку самому подкинуть и потом успеть самому же по ней мечом ударить. Первое время я не успевал даже поднять меч, пока плашка в воздухе, но потом ничего – приноровился. Не только успевал взмахнуть, но даже попасть по ней. Не знаю уж, сколько раз я выполнил в тот вечер это упражнение. Не сотню и не две, а гораздо больше. Через два часа занятий руки у меня стали деревянными, и я с трудом поднимал меч. Но ничем похвастать не мог. Проклятые плашки, когда мне удавалось по ним попасть, отлетали от меча целёхонькими. Лишь иногда на них появлялись вмятины и сколы. Но ни разу мне не удалось оставить на них крупный заруб. Так и ушёл в тот вечер с учебной площадки несолоно хлебавши.

Когда я вернулся в терем, Родослава нигде не было видно. Наверное, уже спать отправился. Княжий тиун[13] Григорий, по прозвищу Капуста, встретил меня на пороге:

– Где бродил?

– В учении.

– Княжич давно уж поужинал и спит.

– Я без него занимался.

– А-а-а! Ну ладно, иди в поварню, там полба в чугунке осталась.

Что ж, полба так полба. Я не против. Каша сытная, спать веселее будет. Я оглянулся. Капуста смотрел мне вслед. И чего ему от меня надо? Не нравится он мне: вредный какой-то. Ходит вечно недовольный, к любой мелочи цепляется, всё вынюхивает. Стряпухи от него шарахаются: не ровён час, попадёшь под горячую руку – прикажет плетей всыпать ни за что или вообще с княжеской поварни прогонит. И ко мне вот сейчас, спрашивается, зачем пристал? Какое ему дело, где я был и что делал?

Следил бы лучше за хозяйством – тут только поворачивайся да смотри в оба, чтобы стряпухи не стянули чего. Хотя они, конечно, если что и стянут, то немного, и не от хорошей жизни, что бы там Родослав ни говорил. Ну да ладно. Не до него сейчас. Устал я сильно, а завтра снова учёба. Варсонофий и Дмитрий спросят вдвойне, тут уж я не сомневался.

[13] Тиу́н – управляющий княжеским хозяйством.

Часть вторая
В Рязани

Глава первая
Представление

С того времени, как я попал в Рязань, прошло два года. Да, ровно два года. Как раз в конце лета ордынцы сожгли наше село, вот и сейчас лето на исходе.

С тех пор я почти забыл про тот перстень, о котором мне отец говорил, – с печаткой, где два всадника на одном коне. Сразу не спросил у Варсонофия, хотя он-то наверняка должен знать, раз князь и бояре знают. Но сначала как-то не до этого было, а потом всё закрутилось: учёба у монаха, ратное дело у боярина Дмитрия. Иной раз к закату так умаешься, что еле до кельи доползаешь.

Нет, бывало иногда, что и вспоминал, но как-то так получалось, что в это время никого знающего рядом не оказывалось. Не спрашивать же у Родослава! Он сам ко мне всё время с расспросами пристаёт: как то да как это? Кто такая Илмера[14], из чего ордынцы луки делают, как титло[15] правильно в письме поставить?

Я-то всё знаю, а он, когда Варсонофий рассказывает, рот разинет и в окошке ворон считает или в носу ковыряется. Варсонофий его спросит, а у Родослава взгляд где-то в небесах бродит. Не сразу и поймёт, о чём его спросили. Даже не знаю, как он будет полки водить, когда князем станет. Такому доверь войско – всех погубит. Не такой должен быть князь, не такой. Варсонофий ругал его «баламошкой» и приговаривал, что он в миске утонет, валенком зарежется, у него с глаз нос унесут.

---

[14] Илме́ра – прародительница славян, сестра князя Словена (*слав. миф.*).

[15] Ти́тло – надстрочный письменный знак в виде ломаной или волнистой линии. Указывал на сокращение слова или числовое значение буквы в латинской, греческой и славянской азбуках.

Вот старший княжич, Фёдор, совсем другой. Фёдор, как Олег, во всё вникает, всем интересуется. Он и на мечах среди первых, и воинский строй знает, и как людей к себе расположить, и как княжеству прибыток сделать. Варсонофий его очень хвалил, говорил, что достойная замена Олегу растёт. А про Родослава только вздыхал или ругался.

Как-то раз прибегает Родослав, глаза как у сыча, радостный.

– Вьюн, – кричит, – айда в поле, там песельники пришли!

А я как раз собирался на ратную площадку – плашки рубить. Но, думаю, плохого не будет, если на песельников схожу поглядеть. Не понравится – уйду. Родослав, не дожидаясь меня, уже убежал. Он на развлечения падок. Даром что четырнадцать годков. А ведь ещё годик – и его в сечу возьмут, если нужда будет. В Рязанской земле отроки в пятнадцать лет уже воинами считаются.

Отправился я следом. Смотрю – и не я один. Детворы много туда же поспешает, и кое-кто из взрослых направляется. Песельников князь запретил в город пускать. Попы ругаются, говорят – языческие игрища. Вот и сейчас один стоит на воротах и предрекает всем, посетившим бесовское представление, немыслимые кары. А на него никто и внимания не обращает: знают уже, что этот дьячок немного не в себе. А князь с попами ссориться не хочет – время такое. Вот и дают песельники представления у городских стен. Потом, если переночевать надо, их пустят, конечно. Чай, рязанцы не басурмане – людей на ночь без защиты оставлять. Попы, конечно, и этому воспротивились бы, если б смогли. Но тут уж Олег был твёрд. Год назад, когда такие же песельники появились, были разговоры, чтобы их в город совсем не пускать, но Олег сказал спокойно: «Пусть заходят». И больше никто ему не перечил. Поняли: надо и меру знать.

Народищу в поле собралось видимо-невидимо! Я уж подумал, что вся Рязань вышла! Да что там Рязань, мне кажется, если изо всех окрестных деревень народ собрать, и то столько не наберётся. Княжеские дружинники, что на городских воротах стояли, аж подпрыгивали – так им самим хотелось на скоморохов глянуть. Ребята всё молодые, меня старше лет на пять всего, не больше. Я когда мимо пробегал, кивнул им дружески. Они тоже в ответ головами затрясли. Не раз уже мы в шуточных поединках встречались на ратной площадке. Пока они побеждают. Старшие всё-таки, силы больше да и мастерства. Ведь они в настоящих стычках участвовали. Но я вижу, что победа даётся им с каждым разом всё труднее. Когда-нибудь и я выйду победителем. Обязательно выйду!

Куда подевался Родослав, я так и не разглядел. Толпища такая, что не поймёшь, кто где. Я задумчиво почесал затылок: как тут протолкнуться поближе? А песельники, слышу, уже на дудках играют. Эх, была не была, попробую влезть! Это только взрослым и растяпам кажется, что в толпе протиснуться невозможно. Я-то умею: не раз толкался на Рязанском торжище, когда отправлял меня Капуста помочь стряпухам принести съестное. Тут всё просто, только надо знать – как!

Я подошёл к толпе и осторожно вклинился плечом между рыжим мужичонкой и нарядной молодой барыней с годовалым малышом на руках. Мужичонка только вздрогнул, когда я слегка оттеснил его в сторону. Тут ведь тоже надо соображать, кого можно оттолкнуть, а от кого за это и по шее получишь. Миг – и вот уже мужичонка с барыней позади, а я осторожно пробираюсь дальше.

Времени-то прошло всего ничего, а я уже протиснулся в первые ряды. Впритык стоял какой-то очень толстый дядька среднего роста. По одежде – богатый иноземный купец. Но мне всё равно, купец не купец, а смотреть не мешай! А песельники, которых было двое, между тем продолжали представление.

Эй, народ честной,
Не проходи, постой!
Для маленькой Марфушки

Не пожалей полушки,
А для полосатого Сенечки
Серебряной денежки!

Тут же рядом Марфушка – дворняга, наряженная в сарафан, с повязанным поверх ушей платочком – стояла смирнёхонько на задних лапах и слабо потявкивала, убеждая зрителей не пожалеть для неё полушки. А полосатый Сенечка – огромный лохматый кот бело-рыжей масти, облачённый в какие-то ремки[16], отдалённо напоминающие крестьянскую рубаху, лежал, свернувшись клубком, и, наплевав на причитания скомороха, только щурился во все стороны и даже не мяукал.

Видя, что рязанцы не очень-то спешат кидать монеты Сенечке и Марфушке, песельники решили показать кое-что поинтереснее. Один из них закричал тонким голосом:

– А ну народ, расступись!

После чего прошёлся по кругу колесом, встал посреди свободной площадки и начал гнусавить, в то время как второй подыгрывал ему на дудке:

Из-за Волги кума в решете приплыла,
Веретёнами гребла, юбкой парусила.
Заколола воробья в четыре ножа,
Положила воробья в четыре котла,
Разложила воробья на двенадцать блюд.

Ну и дальше всё в том же духе. Кто-то смеялся, некоторые кидали мелкие медные монеты. Видно, скудный ручеёк денег подстегнул певца, и он продолжил с бóльшим воодушевлением:

Княже мой, господине!
Лучше бы у тебя пити воду, нежели у боярина мёд.
Княже мой, господине!
Лучше бы из твоей руки печён воробей взял.

Народ загомонил. Бояр многие недолюбливали. Песельники знали, над кем можно глумиться, а над кем нельзя: себе дороже будет. За всё представление ни одной шутки про Олега Рязанского, даже самой невинной, я не слышал.

Калачи-то пекут
Не про нас, про бояр.
Бояре-то не съели —
Собакам стравили.
Собаки-то сдурили
Да попа укусили.
Поп с крестом,
Попадья с пестом,
Ударили в доскý,
Поехали в Москву.

Народ вокруг не просто смеялся, а покатывался от хохота. Вместе со всеми смеялся и я. Только толстый иноземец рядом недовольно пыхтел, бормоча что-то по-своему. Не знаю, то ли

[16] Ре́мки – старая, изношенная одежда.

он плохо по-нашему знал, то ли шутки русские ему смешными не казались?.. Он пыхтел всё громче, потом плюнул на землю и повернулся с намерением уйти. Да повернулся так неудачно, что наступил мне на ногу. А весу в нём было не просто много, а очень много! От неожиданности и боли я завопил и стал выдёргивать ногу из-под иноземцева башмака, но не тут-то было… Я потерял равновесие и упёрся носом в его огромное брюхо. Вот же купчины! Хоть наши, хоть иноземные, а животы у всех одинаковые, толстые!

Иноземец сграбастал меня своей ручищей за шиворот и легко приподнял над землёй. Мои ноги болтались в воздухе безо всякой надежды обрести опору. А рядом надрывались песельники:

Подходи-ка, поп,
Щёлкну звонко в лоб!

– Мальшик, – сказал он, – ты зачем так? Ты хочешь украсть мой омоньер[17], мой деньги?

Его голос мне что-то напомнил. Говорил он по-нашему правильно, слова коверкал не сильно, лишь немного смягчая звуки. Ещё чего, нужны мне его деньги! Княжеские воспитанники не воруют! Он оглядел меня и, поняв по одежде, что я не какой-нибудь бродяжка, поставил на место и похлопал по плечу:

– Вижу, что ты из хороший семья и не станьешь вороват. Ну-ну…

[17] Омоньёр – мешочек для денег и ценных вещей, крепился шнурками к поясу, что-то вроде средневекового кошелька.

У меня перед глазами мелькнула его широкая кисть с толстыми пальцами, унизанными перстнями. Он внимательно взглянул на меня, и его веки дрогнули: так бывает, когда неожиданно встречаешь какого-то нежеланного знакомца. Но иноземец быстро справился с собой, ещё раз похлопал меня по плечу, потом повернулся и стал быстро протискиваться в толпе. А я остался на месте, стараясь понять: *что* же меня поразило? Это была не одежда и не толщина иноземца, а что-то другое, до боли знакомое, но в то же время неизвестное и, кажется, опасное.

Купчина уже скрылся в толпе, только где-то вдали колыхались верхушки павлиньих перьев, украшавших его бархатный вишнёвый берет. И тут я понял: перстень! Меня поразил и насторожил его перстень. Простенький светло-серый перстень без самоцвета, но зато с печаткой. И даже не медный. Перстень из простого железа. А на печатке – два всадника на одном коне.

И тут я вспомнил, где я его раньше встречал. Это же тот самый толмач, что был с посольством в нашем селе, а потом вместе с ордынцами участвовал в набеге и разграблении!

Глава вторая
Ночное сражение

Пока я соображал, что делать, представление закончилось, народ стал бросать песельникам монеты и потянулся кто куда: в город, в слободы, по сёлам да деревням. Возникла такая толчея, что я уж и не чаял из неё выбраться. Толкнули с одной стороны, с другой. Кто-то опять наступил на ту же ногу, что и купец. Я даже захромал и чуть не упал. Потом опомнился и ринулся к городским воротам: надо же рассказать князю, что появился в городских пределах человек с перстнем, про который отец мне два года назад рассказывал. Князь и бояре, помнится, очень заинтересовались тогда!

Но не тут-то было. Выбраться из движущейся толпы оказалось невозможно. Я пару раз попробовал, но упал и чуть не оказался втоптанным сотнями ног в сухую летнюю землю. Чьи-то сильные мозолистые руки ухватили меня за подмышки и поставили на ноги, а пока я оборачивался, чтобы поблагодарить, неизвестный спаситель исчез в толпе.

Я вместе со всеми медленно побрёл к городу. После того как мы прошли городские ворота, народ стал расходиться по домам, и толпа поредела. Я подошёл к стоявшим на страже дружинникам и спросил:

– Иноземные купцы выезжали?

– А тебе-то что? – усмехнулся один из них. – Неужто пограбить хочешь?

Это был мой тёзка по крещению, Васька, по прозвищу Орех. Мы с ним не раз сходились в шуточных поединках. Хотя он всегда побеждал, но давалось это ему труднее, чем другим дружинникам. Один раз я почти совсем его одолел. Над ним даже посмеиваться стали. Из-за этого Васька жутко на меня злился. Странный какой-то: не на меня надо злиться, а на себя. И мастерству воинскому учиться получше.

– Нет, не хочу, – ответил я.

Не объяснять же ему, в самом деле, что да как. На это время уйдёт, а надо всё быстро спроворить. А то уйдут иноземцы, где их потом найдёшь?

– Тогда зачем они тебе?

А сам ехидно так ухмыляется – видно, думает, как бы меня побольнее подковырнуть. Я уже понял, что не к тому я с вопросом обратился. Надо было бы к старшему при воротах. Тут подошёл другой дружинник:

– Зачем тебе иноземцы, Вьюн?

– Потом объясню. Или лучше у князя спроси, он расскажет.

Знаю ведь, что никого они спрашивать не пойдут. А если и найдётся такой умник, то ничего Олег ему не ответит, ведь недаром говорят: «всяк сверчок знай свой шесток!» Они тоже это поняли, поэтому спрашивать больше ничего не стали.

– Ушли они. Давненько уже.

– Как – ушли? Когда? Я же только что одного видел!

Я чуть не заплакал от злости и разочарования. Надо же, второй раз увидеть носителя таинственного перстня – и упустить его по глупой случайности!

– Да вот когда скоморохи подошли, народ повалил за стену, тогда и выехали. Даже чуть раньше.

Всё ясно. Тот толстый купец, видно, из любопытства подошёл посмотреть на скоморохов, а весь их обоз уже стоял в поле. Теперь догонишь разве?

– А князь где?

– Так он ещё вчера уехал в Новгородок, что на Осетре.

– А молодой боярин Дмитрий?

– Чевка-то? С ним. И старший княжич тоже.

Всё… Больше некого было уговаривать остановить тех купцов. Меня никто и слушать-то не станет. А если и станут, то пока поймут, пока погоню снарядят!.. Эх!..

Я медленно побрёл к княжьему терему. Почти все уже разбрелись по домам, и на улице было свободно. Я находился в таком сквернейшем настроении, что идти к себе в келью не хотелось – будешь лежать там в одиночестве, мысли всякие нехорошие в голову полезут. Поэтому в кремле я пошёл в плотницкую и по привычке набрал десяток плашек. В первый же удар я вложил всю накопившуюся злость, всю горечь на так неудачно сложившиеся обстоятельства. Плашка от удара меча разлетелась на две почти ровные половинки. Хотя это получилось у меня впервые, особой радости я не испытал. Держа меч в правой руке, поднял одну половинку с земли и внимательно рассмотрел её. Линия сруба была ровная, прямая. Как будто рубил не на лету в воздухе боевым мечом, а на плахе плотницким топором, тщательно примерившись. Такой сруб и у боярина Дмитрия не часто получается! На душе немного полегчало.

Я подкинул вторую плашку и взмахнул мечом. Деревяшка целёхонькой отлетела в сторону. Нет, я это так не оставлю. Я подкидывал и бил мечом, подкидывал и бил. Но всё без толку. Так и не получилось у меня больше в тот вечер разрубить плашку…

А ночью меня разбудили крики и топот. Едва продрав глаза, я подошёл к окну. Внизу царила суматоха. Вдалеке виднелись отблески большого пожара, отовсюду доносились крики. Небольшой отряд дружинников взбирался на стену, в открытые ворота кремля горожане загоняли скот, под окном пробежал кто-то, сжимая целую охапку стрел. Что это? Неужели на Рязань напали? И Олега ведь в городе нет – ушёл с дружиной, здесь только сотни три ратников осталось. В считаные мгновения я оделся, схватил меч и выбежал на улицу.

Те из рязанцев, кто жил рядом с кремлём, успели спастись сами и спасти скот. Двор кремля был плотно забит мычащим и блеющим стадом. Дружинники на стенах спокойно, без суеты, готовили луки и примерялись, как удобней стрелять из-за зубцов. Я поднялся на стену, увязавшись за молодыми дружинниками, нёсшими стрелы и сулицы.

У башни, что возле главных ворот, на стене стоял боярин Глеб, который два года назад отогнал ордынцев от нашего села, и напряжённо всматривался в ночь, где трепыхались на ветру языки пламени. Горел уже почти весь город, даже стены, сделанные из толстенных дубовых брёвен.

Где-то вдалеке слышался шум битвы. Видно, те горожане, кто не успел добраться до кремля, старались подороже продать свои жизни. Пламя в ночи разгоралось всё сильнее. Внезапно из него, как бесы из пекла, показались всадники. Это были уже знакомые мне ордынские воины. Они на полном скаку устремились к воротам, куда как раз загоняли последних коров, – похоже, хотели воспользоваться оплошностью защитников кремля.

Ордынцев было много, сотен пять. Они скакали быстро, очень быстро, выпуская на скаку стрелу за стрелой куда-то вверх, на стены. Я стоял и смотрел на всё это разинув рот. Вот он – настоящий бой, к которому я готовился два года после сожжения нашего села.

Меня больно пихнули в бок:

– Чего стоишь? Стреляй.

Я оглянулся, но дружинник уже отошёл к краю стены и, спрятавшись за зубцом, выцеливал кого-то из лука. Трен-н-нь! Он, на миг выглянув из-за укрытия, выпустил стрелу и тут же опять спрятался, потянувшись к саадаку.

Только тут я сообразил, что сжимаю в руках лук со стрелами и сулицу. А меч у меня и так постоянно на поясе.

Лучники стреляли часто и сумели остановить первый натиск ордынцев, которые откатились на безопасное расстояние, оставив перед кремлём десятка два поверженных воинов. В это время внизу успели закрыть центральные ворота и запереть их на толстенный дубовый брус, потом на второй. Всё! Теперь, чтобы ворваться в кремль, нужны осадные машины или

лестницы. А лучше и то и другое сразу. Хотя что это я несу? Это не для нас лучше, а для них. А для нас – хуже.

Мимо меня прошёл боярин Глеб – видно, обходил стены, смотрел, хорошо ли воины подготовились к сражению. Остановился невдалеке, возле того дружинника, что привёл меня в чувство:

– Как ты тут, Михайло?

– Привычно, боярин. Да ты не тужи: кремль удержим. А ордынцы скоро уйдут. Самое позднее – к завтрашнему вечеру.

– Вот как? С чего взял?

– Ну так подошли они скрытно, а значит, быстро. Наши ведь на дальних заставах не успели заметить и нам донести. Так?

– Так.

– А теперь сам тыковкой-то покумекай. Раз скоро шли, значит, без обоза. Так?

– Ну да.

– Значит, осадных машин у них нет. Верно?

– Верно.

– И лестниц тоже нет. И вряд ли они их здесь сделают. Для этого ведь навык нужен, а какие из них плотники? Да и город весь попалили. Сомневаюсь я, что найдут они доски и жерди хотя бы на два-три десятка лестниц. А по новой дерево заготавливать – на это время нужно. Я правильно говорю?

– Да, правильно, – подтвердил боярин.

– А коль так, то и делать им здесь больше нечего. Раз не сумели кремль с наскока захватить, то и стоять под стенами не будут. Пограбят всё, что осталось, и уйдут обратно в степь.

– Да, но…

– Ну, может, ещё денёк окрестные деревеньки пощиплют, – не слушая, перебил его Михайло, – а потом уйдут. Помяни моё слово. Вот только как они в город вошли? Обманом, наверное, хитростью. Они на это мастера. Только, думаю, мы этого уже не узнаем. Всех, кто знает, скорее всего, уже отпевать пора.

Меня поразило то спокойствие и даже насмешливость, с какими простой дружинник разговаривал с боярином. В темноте лица было не разглядеть, но голос уж больно знакомый! Приглядевшись, я узнал дядю Мишу – самого опытного дружинника Олега. Два года назад он мне показывал, как рубить на лету плашки. Его и боярин Дмитрий высоко ценит. Неудивительно, что он так свободно говорит со старшими по чину.

Вспомнились слова отца: «Не знаю, сынок, чем ты в жизни займёшься. Хотелось бы, чтобы по моей дорожке пошёл, но как знать… Одно помни: чем бы ты ни занимался, делом своим владей отменно. Стань лучшим, и тогда люди к тебе с уважением отнесутся, да и с князьями-боярами проще будет разговаривать. Мастера ведь всегда в почёте».

Вот я и думаю: дядя Миша в ратном деле, как мой отец в деле кузнечном, мастер. Происхождения не знатного, а знает и умеет много. Вот ему и почёт. И стерпят от него такое, чего бы другому простолюдину не простили.

Глава третья
После боя

Дядя Миша оказался прав. Ещё пару раз ордынцы пытались идти на приступ, но быстро поняли, что проку не будет. По нашим подсчётам, положили мы не меньше полусотни врагов, а у нас был только один, легко раненный стрелой в руку. Я за весь ночной бой успел выстрелить из лука раз пять, но так ни в кого и не попал. Мало, значит, учился. На мечах я ещё куда ни шло, а вот из лука, выходит, не очень. Надо будет заняться. Хорошо бы себе в учителя ордынца получить: вот уж кто умеет стрелять – так это они!

Через пару дней ордынцы ускакали в степь на своих быстрых и выносливых лошадях, унося награбленное и уводя пленников. Дружинники мрачно смотрели со стен, как потянулась за конницей длинная вереница пленных рязанцев. Связаны они были попарно, а на шеи надеты хитрые такие штуковины из палок – видно, чтобы по сторонам головой не вертели. Самые молодые и бойкие из наших хотели броситься вдогонку и освободить их, но боярин Глеб и дядя Миша удержали неразумных. Через три дня после сожжения города последние всадники покинули окрестности Рязани.

Мы вышли из кремля и стали раскапывать пожарища, стараясь спасти тех, кого возможно. Руины ещё дымились, и я вспомнил, как два года назад сидел в подполе, не имея сил откинуть крышку, придавленную чем-то тяжёлым. Эти воспоминания заставляли меня торопиться, раскапывать пепелища быстрее взрослых мужиков. Вдруг там кто-то, как и я тогда, задыхается без воздуха в надежде на помощь?

И, честно говоря, даже удивился, сколько народу убереглось от гибели и ордынского плена. Чуть только начали раскапывать пожарища, люди полезли изо всех щелей, как мураши. Не знаю уж, сколько тысяч спаслось, но очень много! А я уж было подумал, что ордынцы всех увели! Я тоже одну девчушку откопал – малую совсем, годика три, не больше. Белобрысенькая, зарёванная, чумазая. Я её из подпола вытаскиваю, а она головёнкой вертит по сторонам, глазками – луп- луп! – ничего не соображает. А рядом, чуть в стороне, женщина молодая лежит, мать её наверное. Голова балкой разбита. Я тогда эту малышку быстренько из ямы выдернул, чтобы она мать не увидела. Потом оклемается – легче горе переносить будет. Её тотчас какая-то старушка подхватила на руки – родственница видать. Эх!..

Когда растаскивали пожарище на месте постоялого двора, нашли того песельника, что на дудке играл. Не помогли, выходит, ему городские стены! А что сталось с Марфушкой и полосатым Сенечкой, я так и не узнал. Бегают, наверное, сейчас по Рязани, если в живых остались. А может, приютил кто. Потом оказалось, что погиб и тот дьячок, который обещал страшное наказание тем, кто пойдёт на представление. Интересно, а останься он сейчас жив, стал бы вспоминать о своём предупреждении? Вот не послушались его, Бог и покарал… Получается, что помирился он теперь с песельниками. Смерть ведь всех равняет. Нет, не там он врагов искал, не там!

Через день тех, кого можно было, откопали. Мужики сразу взялись отстраивать город заново. Лето ведь уже за половину перевалило, до холодов надо успеть избы поставить. Хорошо ещё, городские стены из дубовых брёвен – не сгорели, а лишь закоптились. Обожжённый дуб только крепче становится.

Меня боярин Глеб отослал к Варсонофию:

– Иди помогай чем скажет.

Но помощь Варсонофию не потребовалась, в кремле ведь всё в целости-сохранности осталось. Почесал он затылок, бороду, а потом махнул рукой:

– Эх, война войной, а учение да грамоту никто не отменял!

И велел мне изучить жизнеописание великого эллина Перикла[18]. Выудил из огромного сундука, на котором спал, большущую книгу с листами из телячьей кожи, в богатом переплёте с застёжками, и, открыв на нужном месте, приказал к завтрему выучить и пересказать. А сам сел в сторонке за стол, свиток какой-то развернул, придавил чернильницей, чтобы обратно не свернулся, и пером черкает – правит что-то.

Уселся я на стульчик, книжку перед собой разложил. А на улице, как назло, день хороший. Мужики топорами стучат – обгоревшие дома разбирают, птички разные чирикают, ласточки туда-сюда носятся. Эх, да что там, всё равно ведь учить надо, не отпустит же!

Рассматриваю я книжку, а там всё не по-нашему, а по-гречески написано. Хорошо, Варсонофий меня и греческому, и латыни научил, и навык я имею хороший, написанное могу свободно читать, только в разговоре сноровки мало: говорить-то, кроме Варсонофия, не с кем.

Читаю я про Перикла, а у самого в голове вертится, что не сделал я чего-то важного. Вроде совсем собрался, да не вышло. И вот когда читал про то, что ваятели древние Перикла всегда изображали в шлеме, потому что голова у него была как луковица – вытянутая кверху, меня словно шилом в бок кольнуло! Да я же за полдня до набега снова, как и два года назад, видел человека, у которого на пальце перстень с печаткой, а на печатке – два всадника на одном коне!

– Варсонофий, – говорю, – а спросить тебя можно?

Дьяк голову поднял, посмотрел на меня внимательно:

– Что, слово незнакомое попалось?

– Да нет, – отвечаю, – вспомнилось кое-что, о чём давно расспросить хотел.

Варсонофий разрешал разговаривать с собой по-простому, без чинопочитания. При князе, правда, всегда важность на себя напускал, да и без князя порой от него мне подзатыльники доставались. Но это он не со зла, а всегда по делу, когда я не особо радел о постижении наук. Правда, в последнее время для подзатыльников повода не было.

– А помнишь, когда два года назад наше село сожгли?

– Помню, – ответил Варсонофий.

– Я тогда ещё князю и боярам рассказал, что незадолго до набега наезжало к нам фряжское посольство.

– И это помню. Я ведь тоже тогда там был, при князе. Только ты не помнишь, с усталости да перепугу.

– Толмач там у них ещё был со странной такой печаткой на железном перстне.

– Два всадника на одном коне?

Тут я удивился. Да что там удивился – я был просто поражён. Надо же: аж два года прошло, целая уйма времени, а он помнит! Наверное, изумление было написано на моём лице, потому что Варсонофий сказал:

– Всё я хорошо помню, Василий. Сейчас кое-что покажу тебе.

Он встал со стула и полез куда-то в угол, где у него было несколько полок с книгами. Покопался несколько минут, достал старый пергаментный свиток, перетянутый шерстяной ниткой. Тщательно сдул с него пыль и, сняв нитку, развернул. Пергамент был испещрён латинскими письменами, а в самом верху стояло:

REGULA

Pauperum commilitonum Christi Templique Solomonici[19].

---

[18] Перикл (около 494–429 гг. до н. э.) – афинский политик и полководец. Его считают отцом афинской демократии, а годы его правления называют золотым («перикловым») веком Афин.

[19] Правила для бедных рыцарей Христа и храма Соломонова (*лат.*) – устав ордена тамплиеров.

А слева – рисунок в круге: два всадника на одном коне.

Как зачарованный смотрел я на этот пергамент. Сколько всего вокруг этого таинственного знака произошло! Сначала тот толмач с перстнем два года назад, потом набег на село и неизвестное слово «нессуно», слышанное мной из подпола. Теперь вот снова – встреча со знакомым иноземцем, на пальце которого был перстень с такой же печаткой, и вслед за тем – опять сожжение, только на этот раз не маленького села, а большого города – гордой Рязани!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.